

Гастрольное лето

ТАНЦУЕТ ЕЛЕНА ГУСКИНА

Читая, что пишут в рецензиях о творчестве примы-балерины Свердловского академического театра оперы и балета им. А. В. Луначарского — заслуженной артистке РСФСР Елене Гускиной всегда интересно.

Одни видят в ней умную, тонкую актрису балетной сцены. Другие отмечают внутреннюю озаренность созданных ею сценических характеров. Некоторые же восхищаются главным образом свободным владением техникой танца и тем самым отрывают форму от содержания. А ведь в советском балете форма всегда служит раскрытию содержания, и в этом его принципиальное отличие от буржуазного модери-балета, где техника часто становится самоцелью.

Е. Гускина действительно свободно исполняет самые сложные танцевальные комбинации. Неискушенному зрителю, который видит, как легко и спокойно делает она тройной пируэт или крутит двойное фуэте, может показаться даже, что балерина танцует порой не в полную силу. Но это обманчивое впечатление. Просто Гускина не любит прелюдничать и акцентировать отдельные выигрышные детали хореографии создаваемого на сцене образа. Для нее он важен в своей цельности, в последовательном развитии.

Ее героини не похожи одна на другую. В один из приездов театра на гастроль в Нижний Тагил зрители в спектакле «Корсар» уже смогли познакомиться с трагически звучащим образом Гюльнар. Но балерина с равным успехом танцует и озорную Сванильду в «Копеллии», лукавую, элегантную Китри в «Дон-Кихоте», страстную Вакханку в «Вальпургиевой ночи». А рядом живут и многие другие разнохарактерные героини Елены Гускиной, отмеченные неповторимостью прочтения образа, своеобразием его сценического воплощения. Всем им исполнительница отдает жар своей души, свое сердце.

В творчестве большого художника всегда встречаются работы, в которых с наибольшей полнотой выражаются его индивидуальность и исповедуемые им идеалы. У Гускиной это образы Жизели, Авроры, Одетты и Зои Космодемьянской.

Ее Жизель не наивная селяночка, ожидающая своего возлюбленного, а романтическая личность, обладающая тонким внутренним миром, гармоничность его дарована ей самой природой. Любая фальшь, неискренность чужда ее миропониманию. Вероятно, именно поэтому так органично, предельно правдиво звучит у балерины и сцена сумасшествия ее героини. Предательство любимого человека мгновенно разрушает эту гармонию, раскусоду Жизели не в силах устоять перед открывшимся ей миром лжи и измены. Лишь в предсмертную минуту любви, пробиваясь сквозь хаос ее помутненного сознания, озаряет все вокруг. Сила любви становится сильнее смерти и одерживает победу даже

над повелительницей виллис Миртой.

Точно донося особенности стиля хореографии второго акта балета, исполнительница в то же время предлагает зрителю свое понимание образа. И кажется, будто сердца всех скорбящих в разлуке с любимыми слились в сердце этой Жизели. Героиня Гускиной здесь не потустороннее существо, а воплощение человеческого разума, который через страдания приходит к фило-

правду «жизни духа» этого образа. Несколько замкнутая в себе, она бережно охраняет свой внутренний мир и еще больше замыкается при появлении принца. Напрасно пытается он проникнуть в тайну ее сердца и сразу заглянуть в душу. Право на любовь такой Одетты надо выстрадать, а это дано не каждому.

Вот почему, сливаясь в пластике, адажио Одетты и Зигфрида не воспринимается как дуэт согласия. Хореографиче-

образ становится очень динамичной. Безжизненно повисшие руки обретают силу, а остроту арабесок балерины можно сравнить с вспылками молнии, озаряющей ее бой за любовь.

Злой гений побежден. К заколдованному лебедю возвращается человеческое обличье. Но в Одетте нет безоблачного счастья и радости. Артистка словно напоминает нам об авторском финале балета, заканчивавшегося гибелью его героев.

Принцесса Аврора в «Спящей красавице» — одна из наиболее безупречных работ Елены Гускиной, сверкающая всеми гранями ее танцевального мастерства. Этот образ создан в тесном творческом сотрудничестве с балетмейстером С. Тубальевой, ученицей прославленного мастера классического танца А. Вагановой.

Аврору Гускиной в первом акте не назовешь беззаботно веселящейся юной принцессой. Это романтическая личность со своим, недоступным для окружающих духовным миром. В ней живет внутренняя тревога, которую не может заглушить атмосфера праздника, завершающегося столь трагично. В «видении Авроры принцу» она словно окутана дымкой тончайших пластических оттенков, беспредельно певучего танца.

В третьем акте изысканность поз и всей пластики в целом, а также завершенность изящно звучащих сложных хореографических комбинаций достойно венчают эту работу балерины, которая с успехом выступала в партии Авроры и на сцене Пермского академического театра оперы и балета.

Значительным событием в творческой жизни Е. Гускиной стало ее участие в постановке Свердловской студии телевидения, где она создала героико-трагический образ Зои Космодемьянской. В хрупком, измученном теле этой юной комсомолки торжествовал над врагами дух негибаемой воли и преданности Родине.

Нельзя не отметить, что за последнее время в партиях, уже давно исполняемых Гускиной, появились новые интересные пластические детали, придающие им еще большую художественную выразительность. Этому она всецело обязана народной артистке СССР Нине Меновшиковой. Как вдумчивый педагог, она помогла раскрыть те возможности танцевального мастерства балерины, которые оставались вне поля зрения других.

Незадолго до гастролей в Нижнем Тагиле Елена Гускина вместе с солистом балета Юрием Супруновым вернулась из большой поездки за границу. Она с успехом выступала в концертах мастеров советского балета за рубежом. А теперь — вновь встречи со зрителями на уральской земле. Сейчас — в Тагиле, а через некоторое время — в родном Свердловске. Ведь скоро у театра начало нового сезона. И значит, впереди у балерины снова бой за овладение высотами мастерства.

К. МЕДВЕДЕВ.

На снимке: Жизель — Е. Гускина.
Фото А. Меркушева.

софскому осмыслению мира. Удлиненные линии танца, едва уловимые придыхания и поющие руки балерины создают красоту танца, одухотворенного, несущего в себе поэтическую обобщенность образа.

Высокие идеалы человеческого благородства, умение любить и прощать, оставаясь верной своему чувству в испытаниях, даже собственной гибели утверждая бессмертие любви, — эти качества, свойственные и другим героиням Е. Гускиной, проявляются тут в полной мере.

«Мир музыки Чайковского — мир сложный», — пишет в своих исследованиях академик Б. Асафьев. Во втором и четвертом актах «Лебединого озера» звучит тема рока, присущая многим симфоническим произведениям композитора. Сказочность — лишь форма, внешняя сторона балета. Образ Одетты создан Е. Гускиной с тонким ощущением стиля и характера музыки. Внутренний мир ее героини сложен и неоднозначен.

Едва Одетта появилась на озере, вы сразу чувствуете

ский монолог героини наполнен скорее размышлением, чем радостью зарождающейся любви. В музыке финала этого акта звучат тревожные интонации, и они зримо воплощаются в тревожных взмахах рук-крыльев белого лебедя. Лишь клятва принца в любви и верности впервые освещает скорбное лицо Одетты едва уловимой улыбкой радости бытия, приоткрывающей душу героини.

В пластических «вскриках» белого лебедя, раненного изменой Зигфрида, нет надсадности, но есть звучащая и в музыке Чайковского печальная элегия разочарования в любви и верности ее избранника. Одетта снова уходит в себя, и молящий о прощении принц уже не может пробиться сквозь стену отчуждения, вставшую между ним и любимой. Их небольшой дуэт в четвертом акте овеян предчувствием трагедии.

Но безразличная ко всему, замкнувшаяся в своем одиночестве героиня Гускиной совершенно преображается, как только Зигфриду начинает угрожать гибель. Вся пластика